

Что ждет малочисленные этносы, в том числе и сформировавшиеся этносы Амура, в будущем?

Сегодня Правительство РФ официально признало: в нашей стране проживает сорок коренных малочисленных народов Севера. Оставим в стороне вопрос, откуда и почему появились четырнадцать новых народов этой группы. Долгое время их насчитывалось двадцать шесть.

Хочу хотя бы кратко коснуться темы, связанной с политикой правительств Российской империи, Советского государства и новой России, в отношении народов, проживающих на землях, где их предки сотни лет вели свою традиционную хозяйственную деятельность.

На «кухонном» уровне мне не раз приходилось слышать, как представители национальной интеллигенции из числа коренных малочисленных народов вели речь о том, благом или великой бедой стало для аборигенных народов присоединение их земель, расположенных за Уралом, к Российскому государству. Любая колонизация, особенно для малочисленных народов, находящихся на ступени общинно-родовых отношений, — это, несомненно, огромное бедствие. Еще вчера народ жил своей устоявшейся веками жизнью, был свободен во всем. Нужно было только строго соблюдать традиции и нормы поведения, установленные законами обычного права. А сегодня тобой командует чужой человек, и ты обязан выполнять все, что он прикажет. На начальном этапе российской колонизация Сибири была жесткой и даже жестокой. Но иной она практически никогда не бывает. Колонизация эта была неизбежной. На месте России в Сибири могли оказаться совсем другие государства. Обычно историки характеризуют и оценивают любую колонизацию после ее завершения, основываясь на том, какую политику в отношении присоединенных народов проводит правительство метрополии. Если говорить о политике царской России в отношении инородцев, именно так тогда стали называть все малочисленные народы Севера и Сибири, то она в корне отличалась от политики, которую проводили тогда в отношении народов Австралии, Полинезии, Америки англичане, голландцы, испанцы и португальцы. Справедливости ради следует сказать, что начиная с конца 1960-х — начала 1970-х годов эти страны изменили свою политику в отношении сохранившихся потомков покоренных ими народов и перешли к политике стимулирования их развития.

* Глава из книги «Случайные заметки»: размышления об этногенезе коренных малочисленных народов Амура и Сахалина» / Н. С. Ситин. — Хабаровск : краевая типография, 2013. — 240 с.

Уже в 1822 году в России был принят Устав об управлении инородцев. Все население приобретенных территорий признавалось подданными Российского государства. Но, согласно положениям Устава, оно не подчинялось общему законодательству и сохраняло особое управление.

Законодательство Российской империи, регулирующее правовое положение народов Севера и Сибири, постоянно совершенствовалось. Приведу выдержку из книги доктора юридических наук, советника Конституционного суда Российской Федерации Владимира Алексеевича Кряжкова «Коренные малочисленные народы Севера в российском праве»: *«Россия впервые в мировой практике того времени, — пишет он, — предлагала собственное цивилизованное юридическое решение проблем инородцев, образ жизни которых заметно отличался от норм гражданского общества. Правовое регулирование носило достаточно концептуальный характер. Просматривалось стремление обеспечить дифференцированный подход и учет особенностей групп, нацеленность на комплексный охват наиболее важных отношений с детализацией тех из них, которые касались материальных основ жизнедеятельности этих народов (землепользования, промыслов, налогов), их самоуправления и защиты; предоставляемые им права подкреплялись соответствующими обязанностями тех, от кого зависело их осуществление».*

Отвечая на первую часть вопроса, благом или великой бедой стало для коренных народов Сибири присоединение к России, я всегда отвечал: это присоединение стало благом. Я исходил из того, что, если бы большевики в октябре 1917 года не прервали поступательного движения России по пути демократии и свободы, коренные малочисленные народы страны сохранили бы свою самобытность, основанную на традиционном образе жизни, свой язык. Они никогда бы не стали «экспонатами» для иностранных туристов, как стали ими аборигены некоторых современных стран.

Постепенно в среду северян проникали элементы материальной и духовной культуры русского народа. Просветительством занималось не только духовенство, в нем участвовали лучшие умы России, которые нередко оказывались на покоренных землях. Говорят, что русские принесли аборигенам Сибири не только плоды европейской цивилизации, но и болезни, и в первую очередь алкоголизм. Неправда! К счастью, еще недавно были живы люди, которые могли рассказать, как проходили праздники, свадьбы, поминки, моления в дореволюционное время. Да, пили. Но пили из чашечек размером с наперсток. Одной бутылки спиртного хватало на праздник, в котором принимали участие все взрослые жители стойбища. А в какое время появилась эта страшная болезнь среди северян, мы хорошо знаем.

В первые годы советской власти, несмотря на положения Конституции 1924 года, которые исключали какие-либо преимущества для отдельных национальностей, туземному населению (так назывались народы Севера в официальных документах) гарантировались права, провозглашенные Декларацией прав народов России. В частности, им предоставлялось право самим определять свои судьбы. Для этого предлагались разные варианты. Но доминирующими оставались дореволюционные взгляды, учитывающие особое положение народов северных окраин. Как пишет в своей работе В. А. Кряжков, *«заимствование подходов отчетливо просматривалось во Временном положении об управлении туземных народностей и племен северных окраин, утвержденном постановлением ВЦИК и СНК от 25 октября 1926 года. Им признавалось наличие прав и соблюдение интересов северных народностей и племен, необходимость их защиты».*

Как органы этнического самоуправления появляются родовые собрания, родовые советы, создаются туземные районы с туземными исполнительными комитетами (тузРИКами). Они самостоятельно решали все вопросы жизни туземного

населения. В Хабаровском государственном архиве хранятся протоколы заседаний исполкома Ульчско-Негидальского туземного района. В повестке одного из них стоял вопрос о проведении осенней путины. Оказывается, лимит, выделенный для района — и промысловый, и предназначенный для населения, — члены исполкома распределяли сами. Отдельно определялось количество рыбы, которое можно было отловить для корма ездовых собак. Для того чтобы выехать на тонь, колхозу нужен был только один документ — решение исполкома. То же самое требовалось и семейным бригадам, отлавливающим рыбу для собственного пропитания.

А что мы видим сегодня? Мы видим заявительный принцип для населения, по сути бессмысленный, унижающий северян и заставляющий их, часто через суд, доказывать свою принадлежность к народу-аборигену. Руководители национальных общин, чтобы получить разрешение на вылов рыбы, этнической пищи, без которой не может нормально функционировать организм большинства малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, вынуждены представлять чиновнику Росрыболовства уйму документов, затрачивая на это массу времени и, конечно же, денежных средств и нервов.

В 1924 году постановлением Президиума ВЦИК был создан Комитет содействия народностям северных окраин, более известный как Комитет Севера. Этот орган стал координирующим центром по налаживанию новой жизни на огромной территории, где проживало туземное население. Одним из важнейших направлений деятельности Комитета стало претворение в жизнь планов школьной и вообще просветительской работы среди населения северных окраин.

В государственном архиве Хабаровского края есть материалы неизданной Дальневосточной энциклопедии. В одном из ее разделов помещены некоторые протоколы бюро Комитета Севера. Обсуждались разнообразные вопросы жизни аборигенов: работа интегральной кооперации, проект закона о бюджете тузРИКов, пятилетний план развития хозяйства и культуры северных территорий, отчет А. В. Луначарского о работе комиссии по просвещению, издательская работа, о работе Наркомзема на Севере, отчет о работе промысловой комиссии, мероприятия по производству промыслового оружия и другие. Любопытнее всего, пожалуй, то, что в документах, отражающих работу Комитета Севера, отмечен важный момент в его деятельности: члены комитета, его бюро и лично председатель П. Г. Смидович, даже в условиях недостаточного финансирования, добивались выполнения принятых решений. Не без участия Комитета Севера ВЦИК и СНК приняли постановление о землеустройстве в ряде округов Якутии, развивающее положения ранее принятых законодательных актов, в которых говорилось, что земли фактического пользования инородцев не подлежат никаким ограничениям и урезкам, а поступают в полное общественное распоряжение. В принятом постановлении в качестве задачи землеустройства определялось закрепление за коренными народами охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий для ведения хозяйственной деятельности. Кроме этого, для народов Севера устанавливался особый правовой режим ведения охоты. Вводилось право беспопылинной охоты, были сняты возрастные ограничения, охотники освобождались от получения свидетельств на право охоты.

Роль Комитета Севера на начальном этапе приобщения туземного населения к жизни в новых условиях трудно переоценить. Но особенно выделяется в его деятельности работа по воспитанию национальных кадров и созданию письменности для малочисленных этносов Севера и Сибири. По инициативе Комитета в ряде городов (Хабаровск, Владивосток, Новосибирск и др.) открываются учебные заведения (в основном техникумы), организуются разного рода курсы для обучения коренных жителей Севера и Сибири. Например, только в 1932 году из Ульчско-Негидальского национального района в различные учебные заведения

(Владивостокский индустриальный техникум, Николаевский-на-Амуре техникум народов Севера, Хабаровский Далькомвуз и др.) на учебу было направлено семьдесят шесть человек.

Но центром, кузницей по подготовке национальных кадров становится Ленинград. При Ленинградском восточном институте (ЛВИ) открывается Северное отделение. В 1930 году Северный факультет ЛВИ был преобразован в самостоятельное учебное заведение — Институт народов Севера. Здесь были подготовлены сотни специалистов-северян в разных областях знаний. Это они познакомили соплеменников с достижениями русской и мировой культуры, это они поведали миру о необыкновенной культуре своих народов. Преподаватели, выпускники, студенты ИНСа претворяли в жизнь положения языковой политики, разработанной Комитетом Севера. Был создан и утвержден унифицированный алфавит для народов Севера на основе латинской графики, в том числе алфавит народов, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках. Началось издание учебников для национальных школ, стали выпускаться газеты и журналы на языках народов Севера. Вся эта работа велась через комитеты нового алфавита, созданные и в центре, и на местах.

Но в 1936 году происходит резкое изменение языковой политики. Президиум ВЦИК СССР принимает постановление, которое запрещало использование латинизированной письменности в школах, где обучались народы Севера. В апреле 1937 года Президиум ДВ крайисполкома принимает решение «О переводе латинизированной письменности народов Севера на алфавит на основе алфавита русской письменности». Все подготовленные для издания учебники на основе латинской графики были отправлены в Москву и, скорее всего, были уничтожены, так как сегодня невозможно найти ни одного из этих учебников. Подобные постановления были приняты и местными органами власти. В Ульчском районе из библиотек была изъята и уничтожена вся литература (и учебная, и художественная), написанная латиницей на ульчском языке. Были репрессированы, расстреляны или погибли в лагерях ГУЛАГа выдающиеся лингвисты, исследователи языков народов Севера и Востока Е. Д. Поливанов, Н. К. Каргер, А. М. Золотарев, А. Н. Липский, Я. П. Алькор (Кошкин), Е. Р. Шнейдер. Через ужасы ГУЛАГа прошли Ю. А. Крейнович, А. С. Форштейн, В. И. Цинциус, Г. М. Василевич и многие другие лингвисты-востоковеды.

Сегодня большинство языков народов Севера находится на грани исчезновения. Где за горизонтом находится та линия, которая зачеркнет последнее живое слово ороча, нивха или ульча, мы не знаем. Но мы хорошо знаем, что среди многих причин, которые питают процесс умирания языков бывших инородцев Российской империи, находится резкая смена языковой политики руководства Советского государства в середине тридцатых годов прошлого века. И в основе этой смены, по мнению большинства исследователей этой проблемы, лежат причины не лингвистические, а политические. Чтобы осветить этот важный для понимания нынешней языковой ситуации вопрос, я воспользуюсь некоторыми положениями выступления доктора филологических наук Н. Б. Вахтина на заседании РАН по теме «Языки народов Севера», опубликованного в «Вестнике Российской академии наук». Касаясь деятельности Комитета Севера в период его существования с 1924-го по 1935 год, он отмечает, что на протяжении всех этих лет шло противостояние двух позиций, которые условно названы им консервативной и радикальной. Если «консерваторы» стремились к сохранению языкового и национального разнообразия, защите культуры и образа жизни северян от внешнего влияния, то «радикалы» ставили целью стереть национальные различия, слить все народы в единый советский народ.

«Обиций принцип, сформулированный В. Г. Богоразом, — говорит в своем выступлении Вахтин, — состоял в следующем: целью освоения Севера должно стать

сохранение уникальных особенностей местного населения и подъем его благосостояния. Туземные люди сами по себе составляют лучшую часть богатства дальних северных пустынь: с большой чуткостью и осторожностью должны мы подходить к устоям туземной жизни, сломать эти устои нетрудно, но это только приведет туземцев к гибели. В противовес данной точке зрения «радикалы» утверждали, что никаких социальных и культурных отличий малочисленных народов Севера от остального населения не существует, за исключением их крайней отсталости, и что, следовательно, их путь к «прогрессу» не должен ни в чем отличаться от пути, по которому идет вся страна. Основную цель движения на Север «радикалы» видели в освоении огромных природных, прежде всего минеральных, богатств. Местное население рассматривалось как средство, без которого освоение невозможно (собачьи упряжки, проводники и т. д.). Самостоятельная ценность коренных жителей в расчет не принималась».

Итак, определять политику государства в отношении коренных народов Севера и Сибири стали «радикалы». Горько сознавать, что в новой России среди тех, от кого сегодня зависит судьба жителей тайги и тундры, много последователей и сторонников «радикалов» тридцатых годов прошлого века. Окончательно закончился светлый период в жизни аборигенов Севера с принятием Конституции СССР (1936) и Конституции РСФСР (1937). Начался новый, пожалуй, самый разрушительный период в их многовековой этнической истории. Н. Б. Вахтин в своем выступлении назвал этот период ассимиляционным. Емкую и точную характеристику этому периоду дал В. А. Кряжков: «Можно утверждать, что с этого момента государственно-правовое развитие народностей Севера приостановилось. Последующие десятилетия характеризуются, с одной стороны, интенсивным промышленным освоением территорий проживания указанных народов и разрушением их традиционного уклада жизни (это выражалось в насильственном переводе кочевников на оседлость, переселении представителей коренных народов из мелких поселений в крупные, отлучении детей от родителей для воспитания в интернатах), а с другой — принятием череды **повторяющихся** государственных мер по подъему экономики и культуры народностей Севера. ...В целом осуществлялась политика государственного патернализма: народности Севера не рассматривались в качестве равноправных партнеров, государство решало за них, чем им заниматься, что и где строить, кому и сколько выделять средств, чему обучать, каким должен быть для детей срок носки валенок...»

Сегодня коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока живут в новом государстве, в новой России. Уже двадцать с лишним лет действует разветвленная общественная организация, которая отстаивает права северян-аборигенов. В активе Ассоциации КМНСС и ДВ Российской Федерации немало достижений. Она завоевала авторитет и признание многих международных организаций, которые занимаются решением проблем аборигенного населения различных регионов нашей планеты. Ассоциация, ее региональные отделения активно сотрудничают с общественными организациями аборигенов большинства стран мира.

И все же сегодня с сожалением приходится говорить: положение коренных малочисленных народов Севера и Сибири в современной России меняется очень медленно. И дело здесь не только в недоработках наших общественных организаций. Причина этой негативной стабильности в другом. А в чем же? Вот как ответили на этот вопрос этнологи К. П. Иванов и С. А. Хрушев в тезисах доклада «Значение теории Л. Н. Гумилева для изучения малочисленных народов Севера», подготовленных для Вторых Гумилевских чтений, которые прошли в Москве под эгидой РАН второго — четвертого июня 1998 года: «Если мы отмечали в целом

неверную ориентацию советской национальной политики на Севере, но при этом она была по-своему логичной... так как опиралась на четко сформулированные и открытые принципы. Но теперь в постсоветской России... никто, нигде открыто не определил ее основных положений и целей. Вместо этого имеется бесчисленное множество пустых заявлений о возрождении и развитии народов России».

Хотя Гумилевские чтения проходили еще на рубеже тысячелетий, в положении малочисленных этносов Севера и Сибири за прошедшее с тех пор время мало что изменилось. Мне могут возразить, что за это время были приняты три основополагающих федеральных закона, которые своими нормами охватывают все стороны жизни аборигенного населения. Да, это действительно так. Вот названия этих законов: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Можно назвать еще целый ряд отраслевых законов, затрагивающих интересы северян-аборигенов. Но беда в том, что эти законы практически не работают. Некоторые их нормы часто противоречат нормам других принятых законов. Они обставлены множеством ограничений и ссылок, которые требуют разного рода согласований, издания подзаконных актов, дополнительных положений и инструкций и т. д. Постоянно в принятые законы вносятся изменения и дополнения, которые выхолащивают главную суть этих законов — обеспечивать права и интересы малочисленных народов. И практика эта продолжается. Достаточно вспомнить позицию, занятую руководителями Федерального агентства по рыболовству в отношении аборигенных общин, основной деятельностью которых является рыболовство. В стране не создано ни одной территории традиционного природопользования.

И все же нельзя не отметить: за последние десять лет произошел настоящий переворот в умах представителей многих аборигенов Севера и Сибири, возросло их этническое самосознание, вырос интерес к истории и культуре своих народов. По итогам переписи 2010 года общее население России даже с учетом миграционного прироста сократилось. Население же, отнесенное к малочисленным народам Севера, увеличилось. Правда, за счет отдельных этносов. Увеличилось число эвенков, юкагиров и некоторых других. Но, скорей всего, это произошло не за счет увеличения рождаемости, а за счет смены этнической идентификации, особенно теми, кто родился в смешанных семьях. Это один из показателей возросшего самосознания, стремление идентифицировать себя с предками. Росту самосознания наших народов способствовало и частичное изменение государственной политики в отношении языков народов Севера, а также возросший интерес к самобытной культуре малочисленных народов. Здесь сыграли свою роль российские и международные выставки изделий наших мастеров и мастериц. Гордость за свою культуру — великое дело.

Отмечая, что принятие важных для малочисленных народов Севера и Сибири федеральных законов в целом по стране не принесло ожидаемых результатов, следует сказать: отдельные регионы в вопросах защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренного аборигенного населения добились заметных успехов. Они создавали по всем позициям собственные нормативные акты, опираясь на пункт «м» статьи 72 Конституции РФ, в соответствии с которой все перечисленные выше вопросы находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. К этим регионам можно отнести Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, бывший самостоятельным Корякский АО, Кемеровскую область, некоторые другие территории. И здесь, ко-

нечно, свою роль сыграла позиция руководителей этих регионов, их понимание проблем коренного населения.

В начальный период существования новой России активная нормотворческая деятельность велась и в Хабаровском крае. Но с появлением федеральных законов эта деятельность прекратилась. Передо мной сборник основных нормативных актов, регулирующих отношения в области доступа местного населения к пользованию водными биоресурсами (издание 2009 года). Только в трех субъектах РФ — Камчатском крае, Амурской области и Ханты-Мансийском АО — по этому важному для коренных народов вопросу приняты региональные законы. Все они касались рыболовства и сохранения биоресурсов. После принятия аналогичных федеральных законов нормативные акты субъектов были приведены в соответствие с законами федеральными. Но законы территорий продолжали действовать. В них учитывались особые условия их применения на этих территориях.

В 2007 году вышла четвертая книга серии «Статус коренных малочисленных народов». В этом издании помещены все международные правовые акты, а также российские законы, включая те, которые приняты субъектами РФ. Опубликованы данные по существующим тогда трем краям: Красноярскому, Приморскому и Хабаровскому. И снова Хабаровский край, особенно в сравнении с Красноярским краем, выглядел не лучшим образом. В основном его нормативные акты касались перечня мест компактного проживания коренных народов, других перечней и разного рода изъятий. В активе же законодателей Красноярского края значатся такие нормативные акты, как «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края», «О государственной поддержке традиционных отраслей хозяйствования и промыслов малочисленных народов Красноярского края», «О полномочном органе государственной власти края в области охраны и использования объектов животного мира», «О наделении органов местного самоуправления Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского муниципальных районов отдельными государственными полномочиями в области использования объектов животного мира, а также водных биологических ресурсов», «О гражданской ассамблее Красноярского края» и другие, которые направлены на защиту интересов коренного аборигенного населения. Среди этих законов особо хочется отметить Закон «О социальной поддержке граждан, проживающих в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края». Для общин и других хозяйств коренных малочисленных народов закон предусматривает компенсацию расходов на оформление участков для осуществления охоты и рыбодобычи.

Но в последнее время отношение и Правительства, и Законодательной думы Хабаровского края к проблемным вопросам коренных малочисленных народов Севера, проживающих в основном в северных районах, изменилось. И изменилось в лучшую сторону. Актив нашего общественного движения связывает это с позицией губернатора края В. И. Шпорта. Вячеслав Иванович первым из всех руководителей края советского и постсоветского периодов стал лично встречаться с представителями коренного населения, участвовать в мероприятиях, проводимых краевой ассоциацией. По его инициативе была принята краевая программа социально-экономического развития КМНС до 2015 года и в рамках министерства природных ресурсов создано специальное управление, основная задача которого — решение проблем коренных малочисленных народов. В правительстве края приступили к разработке проекта закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Хабаровского края».

Произошли изменения во взглядах на решение проблем коренных малочисленных народов и у законодателей края. В Законодательной думе была восстановлена должность эксперта по правам КМНС. Им стал один из активнейших и уважаемых

членов краевой ассоциации Иван Андреевич Бельды. По инициативе председателя Законодательного собрания Сергея Алексеевича Хохлова была начата работа над краевым законом об оленеводстве. Уже осенью 2012 года закон был принят в третьем чтении. Правда, пока финансовое обеспечение принятого закона не может решить всех проблем возрождения в крае этой отрасли традиционного хозяйствования аборигенов. Но начало положено. Есть надежда, что не только в Охотском, но и в Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах на богатых ягельниках вновь, как и прежде, будут пастись тысячи оленей.

Вопрос о возрождении оленеводства в крае в последние годы поднимался не раз. На разных уровнях. Но дальше разговоров дело не шло. А в это время семьи оленеводов, которым удалось сберечь в своих хозяйствах оленей, не получая никакой поддержки от краевых властей, откочевывали в другие регионы, где руководители понимали: основа сохранения северных этносов — это сохранение их традиционных видов хозяйствования. В том, что у нас в крае принят закон об оленеводстве, большая заслуга президента краевой ассоциации КМНС Л. В. Пассар*. Любовь Владимировна смогла убедить руководителей краевой Думы в необходимости принятия этого закона.

Сейчас много говорят о передаче в регионы части полномочий центра. И это, безусловно, произойдет. И, видимо, произойдет уже в ближайшем будущем. Нонсенс, когда в Москве решаются вопросы, которые основательно и безошибочно можно решить только в регионе. К этим вопросам, без всякого сомнения, относятся и те, которые определяют повседневную жизнь коренных малочисленных этносов. При передаче этих полномочий в регионы в короткий срок могут решиться многие их проблемы. Конечно, все будет зависеть от состояния бюджета края. И если аборигены получают «удочку», они переживут все трудности нелегкого кризисного времени. Но аборигены считают, что при этом необходимо организовать постоянный общественный контроль деятельности краевых и федеральных структур, которые связаны с распределением водно-биологических, охотничьих и лесных ресурсов. Было бы неплохо, если бы по этому вопросу краевая Дума приняла специальный закон. Работа этих ведомств должна быть максимально прозрачной. Наш край имеет все возможности уйти от оценки, данной учеными-этнологами сегодняшнему положению коренных народов Севера в нашей стране.

* Л. В. Пассар была президентом краевой АКМНС в 2007–2015 гг. — (Ред.).